лишь 125 лѣтъ тому назадъ въ «лужѣ», извѣстной подъ названіемъ Средиземнаго моря, вполнѣ возможна была трагедія, описанная Байрономъ въ «Донъ - Жуанѣ», т. е. кораблекрушеніе, постройка плота и людоѣдство матросовъ. Байронъ вѣрно описалъ, что произошло послѣ гибели шкуны «Пандора». О трагедіи Европа узнала тогда, мѣсяца черезъ четыре. Теперь о катастрофѣ съ пассажирскимъ пароходомъ «Таити», происшедшей въ Великомъ океанѣ, между Новой Зеландіей и архипелагомъ Кука, англійскія газеты помѣстили подробный отчетъ въ тотъ же день, т. е., 16 августа. Отчетъ появился въ вечернихъ газетахъ рядомъ съ подробнымъ отчетомъ о «матчѣ» въ Аделаидѣ. Читателю предстояло рѣшить, какое событіе важнѣе.

Быстро мѣняются «декораціи» на земномъ шарѣ, мѣняются люди и нравы. Въ Алжирѣ теперь недавніе пираты продаютъ финики и гранаты на набережной. Недавніе людоѣды острова Самоа теперь обрабатываютъ свои сады, и дѣти антропофаговъ сидятъ въ школѣ. Если не считать совѣтской республики, «настоящихъ» дикарей теперь надо долго и внимательно искать. Къ числу очень немногихъ народовъ, живущихъ и въ 1930 году такъ же, какъ жили двѣ тысячи лѣтъ назадъ ихъ предки, если не считать, что потомки вооружены не лукомъ и стрѣлами, какъ ихъ предки, а кремневыми ружьями, — принадлежатъ африди. Они постоянно занимаютъ вниманіе англичанъ на сѣверо - западѣ Индіи, но теперь африди стали «героями момента» для всего свѣта. Территорія, гдѣ выступаютъ африди очень велика сравнительно съ численностью племени. Страна африділевъ простирается отъ Памировъ до Белуджистана и граничитъ на западѣ Афганистаномъ, а на востокѣ Пенджабомъ, т. е. сѣверомъ Индіи.

Страна африділевъ такъ велика, что даже географически дѣлится на три части: на Пешаверъ - Кочатъ, Хаара и Дера Измаилъ. Собственно говоря, главнымъ мѣстопребываніемъ африділевъ считается та любопытная полоса «ничьей» земли, которая лежитъ между Афганистаномъ и Индіей, въ горномъ проходѣ Хейберъ. Англійское правительство теоретически не имѣетъ никакой власти надъ этой безхозяйной полосой. Съ незапамятныхъ временъ африділевъ. Нѣтъ у нихъ даже ... Трудно представить большую пустыню, чѣмъ Хейберъ. Даже Аравія можетъ дать нѣсколько очковъ впередъ знаменитому горному проходу. Африділи, живущіе тамъ, когда то спускались, чтобы ограбить богатыя равнины Индостана. Теперь, когда прорваться туда нѣтъ возможности, африділи мечтаютъ ограбить только богатый Пешаваръ.

Обычно все кончается только мечтой, потому что у англичанъ есть магазинныя ружья, машинныя пушки и аэропланы, противъ которыхъ храбрость африділевъ, вооруженныхъ только кремневыми ружьями, безсильна. Но когда «посторонніе» благодѣтели, которымъ надобно, чтобы Индія «глухо волновалась», вмѣшиваются, — у голиковъ африділевъ откуда - то появляются и магазинныя ружья послѣдней конструкціи, и машинныя пушки. Африділямъ тогда остается только внести и свою «лепту», т. е. пожертвовать жизнью 500, 700 или 1000 воиновъ. «Благодѣтели», давшіе голикамъ - африділямъ пушки и магазинныя ружья, найдутся теперь. Повидимому, міръ, все таки не безъ добрыхъ людей...

Діонео.

Совѣтская цензура

ЛСПО сдалъ въ типографію плакатъ съ призывомъ къ населенію о сдачѣ тары для борьбы съ овощнымъ кризисомъ. На плакатѣ была надпись:

— Овощи идутъ! Тары не хватаетъ!

Неожиданно изъ типографіи сообщили, что печатаніе плаката задержано. Цензоръ (политредакторъ областного отдѣла Главлита рѣшилъ, что плакатъ составленъ не литературно и предложилъ его измѣнить. Вмѣсто прежняго текста онъ написалъ:

— Овощи идутъ! Не хватаетъ тары!

Изъ-за перестановки словъ задержалось печатаніе плакатовъ. Пришлось спеціально звонить въ Областлитъ, секретарь котораго разрѣшилъ печатать плакатъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ ЛСПО.

(«Вечерн. Красн. Газ.», 20 авг).

Процессъ объ избіеніи негра

Дѣло объ избіеніи негра Робинсона на сталинградскомъ тракторномъ заводѣ отложено до 22 августа. Главный обвиняемый, американскій рабочій Льюисъ, подалъ прокурору слѣдующее заявленіе:

«Поступокъ, совершенный мной 24 іюля, естественно, вызвалъ большое возмущеніе совѣтскихъ рабочихъ. Не всѣ американскіе рабочіе понимаютъ истинный смыслъ національной и расовой розни. Теперь я понимаю, какую грубую ошибку я совершилъ, будучи подъ вліяніемъ шовинистическихъ настроеній. Я прошу прощенія у рабочихъ СССР за содѣянный мной поступокъ. Въ будущемъ я никогда не буду сторонникомъ національной розни. Я горячо привѣтствую всѣхъ тѣхъ, кто борется за полное равенство расъ и націй. Льюисъ».

Расправа за запрещеніе Маяковскаго

Какъ въ «Посл. Нов.» уже сообщалось, постановленіе объ изъятіи книгъ Маяковскаго изъ дѣтскихъ библіотекъ отмѣнено. Но этого мало. Надо покарать виновныхъ, надо, чтобы «реакціонеры получили по рукамъ».

Междувѣдомственное совѣщаніе, признало рѣшеніе комиссіи «серьезной политической ошибкой», и потребовало отъ МОНО пересмотра личнаго состава библіографической комиссіи.

Въ новый составъ должны быть широко привлечены представители комсомольскихъ, піонерскихъ и другихъ общественныхъ организацій».

(«Правда», 21 августа).

Вѣсти отовсюду

— Германское правительство заявило въ Варшавѣ протестъ противъ того, что польскій аэропланъ пролеталъ надъ ст. Флатовъ, расположенной на нѣмецкой сторонѣ данцигскаго коридора.

— Въ шахтахъ Августа - Викторія, въ Рекклингаузенѣ (Германія) произошелъ обвалъ земли. Двое шахтеровъ убито и нѣсколько ранено.

— По оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ, въ іюлѣ с. г. арестовано было въ С. Ш. 6.524 человѣка за нарушеніе «сухого» закона. Конфисковано 7 милліоновъ литровъ пива, 500.000 литровъ другихъ спиртныхъ напитковъ, 724 «бутлегерскихъ» автомобиля и пр.

— Согласно послѣднимъ провѣреннымъ даннымъ, недавнее землетрясеніе въ Италіи повлекло 1.404 человѣческихъ жертвы.

— Близъ Комотно (Чехословакія) произошло столкновеніе между двумя поѣздами. Ранено 19 человѣкъ.

— Англійская королевская чета выѣхала въ Бальмораль.

— Арабская экзекутива въ Палестинѣ объявила на 23 августа забастовку въ видѣ протеста противъ смягченія участи приговореннаго къ смертной казни еврея.

— Оффиціально сообщается, что во главѣ германской делегаціи на пленарной сессіи Лиги Націй будетъ стоять Курціусъ.

— Въ Валпово (Югославія) раскрыта властями террористическая организація, члены которой нелегально прибыли изъ заграницы для совершенія ряда покушеній.

— Въ Калабріи (Италія) произошли сильные подземные толчки. Населеніе, охваченное паникой, покинуло дома.

— Британскій верховный комиссаръ въ Каирѣ, сэръ Перси Лоррейнъ, выѣхалъ въ Лондонъ. Онъ обсудитъ съ англійскимъ правительствомъ нѣкоторые вопросы, связанные съ англо - египетскими отношеніями.

...пятіи «бѣженецъ». Усилившійся въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ значительный вообще притокъ новыхъ бѣженцевъ въ Китай, Польшу, Румынію, Норвегію и Финляндію естественно привлекъ къ себѣ вниманіе зам. Верх. Комиссара майора Т. Ф. Джонсона, и Комиссаріатъ склоненъ къ распространенію на вновь прибывающихъ изъ СССР дѣйствующаго бѣженскаго статута. Съ этимъ взглядомъ не согласны сторонники свертыванія дѣятельности Комиссаріата и Бѣженской Секціи, опасаясь того, какъ бы путемъ новаго пополненія бѣженскихъ кадровъ не слишкомъ затянулась и временная попечительная роль Лиги Націй. Комиссія привѣтствуетъ ... Верховнаго Комиссара мистера Лоджа, Совѣщательнаго Комитета частныхъ бѣженскихъ организацій, очередная сессія котораго собирается уже 26 августа, Объединеннаго Британскаго Комитета и другихъ союзовъ русскихъ и армянскихъ бѣженцевъ.

Представитель генеральнаго секретаря Лиги сообщитъ докладъ сэра Эрика Драммонда ближайшему Общему Собранію Лиги объ организаціи дѣла помощи бѣженцамъ за пробный годъ нахожденія Бѣженской Секціи въ составѣ Секретаріата Лиги. Въ заключеніе сессія ознакомится съ бюджетными предположеніями бѣженскаго аппарата при Лигѣ по смѣтѣ на 1931 годъ.

Проф. Визе о „Землѣ Визе“

Проф. Визе написалъ на «Сѣдовѣ» слѣдующую замѣтку, переданную по радіо, по поводу открытія земли его имени.

Льды полярныхъ морей передвигаются подъ вліяніемъ двухъ силъ: вѣтровъ и морскихъ теченій. Дѣйствіемъ этихъ силъ передвигалось въ 1913-14 годахъ затертое во льдахъ судно «Святая Анна». Какъ извѣстно, штурманъ «Анны» Альбановъ доставилъ въ культурныя страны вахтенный журналъ этого судна, сама же «Анна» безслѣдно погибла. Въ журналѣ имѣются записи объ общемъ движеніи судна, его дрейфѣ и записи направленія силы вѣтра.

Теоретически намъ приближенно извѣстно, съ какой скоростью и въ какомъ направленіи затертое во льдахъ судно должно передвигаться подъ вліяніемъ вѣтровъ. Зная общее передвиженіе судна, скорость и направленіе вѣтра, можно вычислить направленіе и скорость морского теченія. Это и было моей цѣлью, когда я взялся за обработку журнала «Анны». При этомъ я наткнулся на любопытную особенность, которую дрейфъ «Анны» показалъ между параллелями 70 и 80 нордъ и меридіанами 70 и 80 остъ. Здѣсь судно, двигавшееся въ общемъ на сѣверъ, отклонилось отъ направленія вѣтра не вправо, какъ слѣдовало бы по теоріи дрейфовыхъ теченій Экмана, а влѣво. Объяснить эту аномалію я могъ только допустивъ существованіе суши къ востоку, недалеко отъ дрейфа «Анны». Рядъ другихъ особенностей дрейфа «Анны» въ этомъ районѣ подкрѣпилъ меня въ моемъ предположеніи.

Болѣе подробный анализъ дрейфа «Анны» позволилъ мнѣ приближенно опредѣлить мѣсто предполагаемой суши. Я нанесъ это на большую карту, приложенную къ моей статьѣ о теченіяхъ въ Карскомъ морѣ, опубликованную въ 1924 году. Позднѣе эта суша подъ названіемъ «Земля Визе» съ вопросительнымъ знакомъ была нанесена Брейтфусомъ на нѣмецкой картѣ. До сихъ поръ значилась она какъ проблематическая, и такой нанесена на карту Арктики.

Зная о проектѣ Нобиле летѣть въ 1928 г. къ Сѣверной Землѣ, я обратилъ его вниманіе на желательность обслѣдованія того района, гдѣ я предполагалъ сушу. «Италія» пролетѣла тогда весьма близко отъ этой земли, но не видала ее, вѣроятно, потому, что земля въ это время была сплошь покрыта снѣгомъ. **На долю «Сѣдова» выпало открыть предположенную мною землю, оказавшуюся островомъ, и тѣмъ самымъ подтвердить правильность моихъ выводовъ.**

Непринятыя рукописи не возвращаются, и ни въ какую переписку по поводу нихъ редакція не вступаетъ

Древній человѣкъ

Рано чувствуется осень, ея спокойствіе. Начало августа, а похоже на свѣтлый сентябрь, когда жарко лишь въ затишкѣ, на припекѣ.

Учитель Иваницкій, человѣкъ молодой, но необыкновенно серьезный, глубоко задумывающійся по самому малѣйшему поводу, медленно поднимается на пологую гору, прогономъ черезъ усадьбу князей Козельскихъ. Заложивъ одну руку за широкій поясъ, которымъ подпоясана длинная, чесучевая рубаха, а другой, пощипывая кончики бѣлесыхъ усовъ, учитель горбитъ свой истяжной станъ и щуритъ сѣрыя зеленоватые глаза.

Направо — большой садъ за соломеннымъ валомъ; налѣво — старая кузня, развалины псарни, пустыя сушилки изъ розовыхъ кирпичей, а между ними — пропадаетъ на безконечное и тоже пустое гумно. Въ саду, уже порѣдѣвшемъ, тишина и сой солнечный блескъ: кое-гдѣ золотится паутина; спокойно лежатъ пятна тѣней подъ яблонями; порой съ короткимъ стукомъ надаетъ въ шелковистую, сухую траву спѣлое яблоко. Вогнутая крыша кузни вся въ нарослыхъ мха, бархатно изумрудныхъ, съ коричневымъ отливомъ. Раскрытыя сушилки ... дѣлы, грубы, очертаніями своими говоря ... чемъ то давнишнемъ. И все это, — ... на кузнѣ, псарни, заросшая лопухами, голыя стропила надъ розовыми сушилами, — все такъ чудесно на ясномъ голубомъ небѣ, среди бѣлыхъ круглыхъ облаковъ. На южномъ пустырѣ гумна воробьи линиемъ ссыпаются съ одной крапивной чащи на другую. За этими чащами поднимается порѣвшій осинникъ... Учитель идетъ къ Солоньевымъ, еще разъ хочетъ повидаться съ ихъ дѣдомъ, прозваннымъ почему то Таганкомъ. Древенъ онъ, какъ говорятъ въ Козельщинѣ: ему сто восемь лѣтъ, онъ знаменитость.

За усадьбой учитель поворачиваетъ въ широкую улицу, что пролегаетъ между валомъ гумна и старыми избами бывшихъ княжескихъ крѣпостныхъ. Конецъ ея какъ бы упирается въ небосклонъ — чуть золотистый, сентябрьскій. Сентябрь и въ верхушкахъ лозинъ, кое гдѣ растущихъ передъ избами и сквозящихъ мелкой, жестяющей листвой на бѣлыхъ облакахъ и лазури; сентябрь въ золотистомъ солнечномъ свѣтѣ и въ прозрачной тѣни, падающей отъ избъ на улицу, на воловики, прикрытыя цвѣтами попонами и армяками... Учитель идетъ и косится на избы, на ихъ оконечки и крыльца.

Оконечки крохотныя, темныя. Крыльца, пороги обросли грязью. Да не лучше и возлѣ нихъ. Въ засохшей грязи, въ которую вросли травки, стоптанные лапти, лежатъ большіе камни, на которыхъ лѣтомъ обѣдаютъ и ужинаютъ. Дѣти кричатъ, перекликаются, лазятъ по камнямъ. Много дѣтей въ Козельщинѣ, и какъ сопливы они, въ какихъ болячкахъ ихъ щеки и губы!

— Что это ты дѣлаешь? — окликаетъ учитель дѣвочку, стоящую у камня.

Она хворая, худая, темноглазая, въ бабьихъ лаптяхъ, закутана темнымъ пеньковымъ платкомъ. Она ползаетъ по камню ручками, дѣлаетъ видъ, будто стираетъ, бьетъ вальками. Услыхавъ учителя она со всѣхъ ногъ кидается въ избу.

— Какъ тебя зовутъ? — спрашиваетъ учитель толстаго голубоглазаго мальчика подъ лозиной у двора Ѳоминыхъ.

Мальчикъ молчитъ. Учитель повторяетъ вопросъ. Мальчикъ пятится къ лозинѣ, поднимаетъ грудь, надувается такъ, что багровѣетъ, и молчитъ.

Озабоченно бродятъ куры, оглядываютъ лапами воду, землю, клюютъ что то, кудахтаютъ. У двора Клочковыхъ спитъ подъ водовозкой старуха. Тѣнь отъ избы сползла, не сдвинулась, солнце палитъ на половину, печетъ лицо, густо облѣпленное мухами, печетъ худой костыль, голыя ноги, блестящія отъ загара. Мальчикъ лѣтъ пяти, въ штанахъ съ помочами и шерстяныхъ красныхъ чулкахъ, носится среди пылающихъ, блестящихъ и на свѣту кружащихъ на землѣ и по ногамъ старухи мухъ, и все норовитъ затоптать хоть одну изъ нихъ; пылятся ... и онъ останавливается, выжидая, когда они соберутся въ кучку, а какъ только соберутся, опять со всѣхъ ногъ летитъ на нихъ.

Солоньевы раздѣлились. Таганокъ живетъ у Глѣба, и учитель идетъ сперва къ двору его другого внука, плотника Григорія. Григорій стоитъ на проталинѣ между избой и погребомъ, въ прохладѣ на гумна, посреди квадрата изъ трехъ брусовъ новыхъ, тѣлесного цвѣта бревенъ: рубитъ себѣ амбарчикъ. На немъ горничный картузъ, еще не мытая ситцевая рубаха, натуго розовымъ ... пузыремъ штаны изъ чортовой кожи и сапоги. Солоньевы — первые хозяева въ Козельщинѣ. Увидавъ гостя, онъ легко и ловко вскакиваетъ ... на срубъ, закуриваетъ.

— Къ Таганку? — спрашиваетъ Григорій.

— Къ нему. Давно не видалъ.

— Что жъ, дѣло хорошее. Идите, проходите. Онъ это любитъ.

— А какъ его дѣла? Прихварываетъ?

— Нѣтъ, скрипитъ еще помаленьку. А, конечно, не наше съ вами дѣло: вѣдь сто восемь. Да и житье, конечно, не сладкое.

— А что?

— Да что, надо правду говорить: голодомъ они его морятъ, вотъ главная вещь.

— Все снохи?

— Извѣстно, она. Да я такъ думаю, всему причиной братъ Глѣбъ. Его допущеніе. Онъ долженъ защищать, кому же больше? Самъ то Таганокъ вы знаете, какой: за всю жизнь цыпленка не обидѣлъ.

— Серьезно, морятъ?

— А то какъ же? Еще какъ серьезно то! У нихъ вонъ сколько пудовъ одной ветчины виситъ, — повѣрите, ребрышка никогда не дадутъ. Сами, какъ праздникъ, за чай, а онъ чашечки попросить боится. Ничтожности жалѣютъ...

— Ида-а, — задумчиво говоритъ учитель.

Сипятъ кузнечики въ бурьянѣ на припекѣ. Все сохнетъ, роняетъ черныя зерна: крапива, бѣлена, репьи, подсвекольникъ. Баба, въ красной кофтѣ, въ бѣлой рубахѣ, стоитъ въ чащѣ коноплянниковъ выше ея ростомъ, беретъ замашки. За коноплянниками сѣрѣютъ риги, желтѣютъ новыя скирды.

— Ида-а, — говоритъ учитель, ѣдко затягиваясь. Скирды то все ваши?

— Нынѣшній годъ далъ Господь, — скромно, боясь сглазить, отвѣчаетъ Григорій.

— А чашки чаю жалѣютъ, — ухмыляется учитель. — Что онъ, и теперь еще хорошо помнитъ все?

— На удивленіе прямо! Все помнитъ: что когда сдѣлать по толку, что, напримѣръ, прибрать, купить, гдѣ что дешевле — все первый скажетъ. Насчетъ корму, напримѣръ, разумнѣй его человѣка нѣту...

Проходятъ къ Таганку задами. За дворомъ Григорія нѣсколько колодокъ пчелъ. Учитель гнется, боится ихъ, а Григорій смѣется, увѣряетъ, что пчелы чистаго человѣка не трогаютъ. Тутъ чуть тянетъ холодкомъ съ сѣвера, подъ солнцемъ пыльно и сытно пахнутъ коноплянники. Противъ коноплянниковъ придѣлано къ каменной стѣнѣ варка нѣчто вродѣ шалаша, сбитаго изъ кольевъ и обшитаго замашками. Это и есть лѣтнее жилище знаменитаго человѣка.

— Дѣ-ѣдъ? — окликаетъ учитель, отворяя дверку.

Никто не отзывается — въ шалашѣ пусто. Вѣрно, Таганокъ въ избѣ. И Григорій уходитъ искать его. А гость осматриваетъ шалашъ. Все то же. И все такъ же трогательно. Чтобы не надоѣдать снохѣ своимъ присутствіемъ, сократиться насколько возможно, перебирается сюда Таганокъ чуть ли не съ Великаго поста. Розвальни, набитыя соломой, служатъ ему постелью. На соломѣ нѣтъ даже попонки. Въ изголовьѣ, вмѣсто подушки, свернутый рваный чекмень, и по нѣту видно, что чекменю этому полвѣка. У изголовья — столикъ изъ дощечки и кольевъ; на дощечкѣ — подобіе шкатулки, а въ ней все добро, все хозяйство Таганка: мотокъ нитокъ, варежки, тавлинка изъ бересты съ нюхательнымъ табакомъ... Боже мой! Драгоцѣннѣйшимъ даромъ, даромъ сказочнаго долголѣтія одарила судьба своего избранника! А къ чему онъ тутъ, этотъ даръ?

У шалаша лежитъ большой обрубокъ, корень дуба. На немъ дѣдъ отдыхаетъ, грѣется, — обрубокъ отшлифованъ полушубкомъ. Учитель садится и ждетъ. Когда же за угломъ слышатся шаркающіе шаги, поднимается, чтобы уступить Таганку привычное мѣсто. Таганокъ показывается изъ за угла, — невысокій, съ опущенными плечами, — и подвигается неловко, вразвалку, опадая съ одной ноги на другую. Ноги толсто опутаны онучами, въ большихъ лаптяхъ. Полушубокъ, почти голый съ исподу, — вытерлась овчина, — сталъ широкъ, полы его висятъ. Бѣлая шапка надѣта глубоко, немного криво. Увидавъ гостя, Таганокъ стаскиваетъ ее обѣими руками, какъ ребенокъ, кланяется низко. Длинные волосы, уцѣлѣвшіе вокругъ его темнаго черепа, бѣлы и легки, какъ ковыль. Легка, бѣла и косая борода его. Лицо его темнѣе черепа. Выцвѣтшіе, налитые слезами глаза ничего не выражаютъ, кромѣ не то покорности, не то грусти.

— Здорово, дѣдушка — говоритъ учитель, садясь на землю. — Какъ поживаешь? Надѣвай шапку то...

Таганокъ колеблется. Онъ, одолѣвъ больше вѣка, невольно и самъ считаетъ себя особеннымъ человѣкомъ. Но заслужилъ ли онъ, наконецъ, право быть при господахъ въ шапкѣ, этого онъ еще не знаетъ. Поколебавшись, обѣими руками надѣваетъ ее.

— Садись на обрубокъ то тебѣ покойнѣе будетъ.

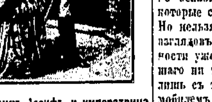
Таганокъ, помедливъ, садится, поправляетъ полы, складываетъ на колѣняхъ черныя руки и что то думаетъ.

— Энтихъ ужъ нѣту, — говоритъ онъ медленно и такъ, точно разговариваетъ не съ учителемъ, а съ кѣмъ то другимъ. — Энтихъ ужъ нѣту, что покойли то...

— Въ старину лучше было? — спрашиваетъ учитель.

— Гмъ! — слабо улыбается Таганокъ. — Въ два раза лучше было...

Всѣ старики играютъ, притворяются чрезчуръ старыми. Таганокъ не играетъ. Онъ нечеловѣчески простъ. Учитель, какъ всегда, не спускаетъ съ него глазъ; его волнуютъ странныя мысли: подумать только, что при Таганкѣ прошелъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ вѣковъ! Сколько было за этотъ вѣкъ переворотовъ, открытій, войнъ,



Императоръ Францъ Іосифъ и императрица Елизавета въ годъ свадьбы.

нято эрцгерцога Франца. Послѣ свадьбы въ Ишлѣ съ 16-лѣтней красавицей кузиной, Елизаветой Баварской (ей было 16 лѣтъ, ему 23), молодой императоръ писалъ матери: «Какой тяжелый и большой скачекъ изъ этого земного рая къ бумажному существованію передъ письменнымъ столомъ».

«Бумажное существованіе» — это очень мѣткая формула. Францъ-Іосифъ былъ необыкновеннымъ, именно бумажнымъ труженикомъ, и за письменнымъ столомъ прошла огромная часть его жизни. Австрійскій историкъ Отто Эрнстъ, опубликовавшій недавно часть личной переписки Франца-Іосифа (мы давали въ свое время отчетъ объ этой книгѣ), такъ опредѣляетъ впечатлѣніе отъ изученія безконечныхъ бумагъ, оставшихся послѣ Франца-Іосифа: «Когда 18-ти лѣтъ Францъ-Іосифъ занялъ престолъ, онъ вставалъ съ зарей, чтобы выполнить свой долгъ, и мы находимъ его раздавленнымъ судьбой въ сущности отодвинутымъ ходомъ времени и событіями, но за тѣмъ же столомъ, за обычными занятіями, съ такимъ же перомъ въ рукахъ, пользующимся тѣми же оборотами рѣчи, осуществляющимъ свою суверенную власть по неизмѣннымъ правиламъ игры, которыя впервые 68 лѣтъ назадъ онъ примѣнилъ».

И этому монарху-бюрократу, жившему въ тѣсныхъ рамкахъ придворной и государственной рутины, судьба дала долгую жизнь и уже совершенно исключительное по продолжительности царствованіе, дала словно для того, чтобы обрушить на его склоненную надъ письменнымъ столомъ голову такой рядъ политическихъ и личныхъ ударовъ, который заставляетъ вспомнить настоящія трагедіи рока. Возстаніе венгровъ и итальянцевъ; отторженіе итальянскихъ земель; война съ Пруссіей, закончившаяся пораженіемъ при Садовой и унизительнымъ миромъ: трагическая ги-

которые стали поводомъ къ Великой войнѣ. Но нельзя было ждать такой же широты взглядовъ отъ старика, жившаго въ сущности уже въ другомъ вѣкѣ, не признававшаго ни телефона, ни пишущей машины, лишь съ трудомъ примирившагося съ автомобилемъ, почти ничего не читавшаго, кромѣ безчисленныхъ бумагъ и докладовъ.

Его добродѣтелью, какъ монарха, было глубокое, почти религіозное сознаніе своего долга, а добродѣтелями человѣка являлись, подъ обликомъ аристократа и джентльмена, качества простого вѣнскаго буржуа — здравый смыслъ, трудолюбіе, скромность вкусовъ, бережливость, переходившая въ скупость.

У этого монарха была, кромѣ оффиціальной жизни во дворцѣ, на вѣнскомъ бургплацѣ, вторая, совсѣмъ буржуазная жизнь. Его многолѣтней и вѣрной подругой, утѣшительницей тяжелыхъ дней являлась Катерина Шраттъ, бывшая вѣнская актриса. Въ канунъ юбилейныхъ дней, въ Вѣнѣ показали документальный фильмъ «Францъ-Іосифъ, какъ императоръ и человѣкъ». На генеральной репетиціи, въ глубинѣ темной ложи сидѣла глубокая старуха. Это была г-жа Шраттъ, — такая же тѣнь прошлаго, какъ и проходившія передъ ней на экранѣ образы исчезнувшихъ людей и событій.

Р. Словцовъ.

10 погибшихъ на аэропланѣ

Прага. 23 августа.

Въ Моравіи, близъ Иглау, произошла ужасная аэропланная катастрофа. Аэропланъ, въ которомъ находилось 13 человѣкъ, летѣлъ изъ Байрейта въ Вѣну. Надъ Иглау, вслѣдствіе сильнаго урагана, летчикъ сталъ спускаться въ поискахъ мѣста, гдѣ можно было бы приземлиться. Какъ разъ въ моментъ, когда аппаратъ коснулся земли, вспыхнулъ огонь. 10 человѣкъ сгорѣли живьемъ, въ томъ числѣ пилотъ и механикъ. 2 человѣка легко ранено, 1 — тяжело.

Передъ отправленіемъ аэроплана летчикъ сказалъ:

— Насъ 13 человѣкъ на борту, и къ тому же сегодня — пятница. Все это можетъ плохо кончиться.

зобрать слѣдующую запись:

— «18-7 1897, 83 град. долготы, 32 град. широты».

Никакихъ слѣдовъ провизіи не найдено. Между санями лежалъ скелетъ медвѣдя, во всей вѣроятности, убитаго Андрэ и его спутниками.

Какъ погибла экспедиція.

Находка норвежскаго геолога даетъ возможность установить исторію гибели экспедиціи Андрэ. Изслѣдователи благополучно спустились съ воздушнаго шара гдѣ нибудь на льдахъ, бросили воздушный шаръ и направились къ югу. Льды понесли ихъ по направленію къ Бѣлому острову. Все свидѣтельствуетъ о томъ, что изслѣдователи нѣсколько мѣсяцевъ боролись съ Арктикой уже послѣ того, какъ добрались до Бѣлаго острова и до острова Викторія.

Вещи, принадлежавшія экспедиціи «Андрэ», погружены на «Братвагъ». На могилѣ Андрэ, Френкеля и Стриндберга участники экспедиціи Горна соорудили изъ камней памятникъ-холмъ.

Послѣднія извѣстія

Осло. 23 августа.

Послѣднія извѣстія, полученныя отъ ка-

тересомъ къ его планамъ. Организовать экспедицію ему помогалъ король Оскаръ.

Андрэ пріѣхалъ въ Парижъ, изложилъ въ Академіи Наукъ подробно свой проектъ. Его воздушный шаръ «Сѣверный Полюсъ» долго оставался на Марсовомъ полѣ для обозрѣнія публики.

Въ 1896 г. Андрэ прибылъ на Шпицбергенъ и оставался здѣсь до конца августа въ ожиданіи попутнаго вѣтра. Не дождавшись благопріятныхъ условій для полета, Андрэ вернулся въ Швецію.

На воздушномъ шарѣ къ полюсу.

Проектъ былъ осуществленъ только въ слѣдующемъ, 1897 г. 11 іюня въ 3 ч. Андрэ съ двумя спутниками на воздушномъ шарѣ «Орланъ» поднялся съ сѣверной части Шпицбергена. Корзина воздушнаго шара имѣла 2 метра въ вышину и раздѣлена была на два этажа. Въ корзинѣ находились постели и кухня. Въ особомъ ящикѣ содержались почтовые голуби, которыхъ Андрэ долженъ былъ посылать съ пути.

Подъемъ былъ очень труденъ. Андрэ пришлось пожертвовать 540 кило груза изъ 1750 кило, которые онъ взялъ съ собой.

Маленькіе визитеры президента Хувера

Нью-Іоркъ, 23 августа.

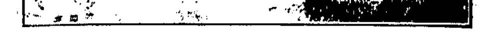
Вчера цѣлому ряду почтенныхъ особъ, и въ томъ числѣ нѣсколькимъ сенаторамъ, пришлось долго ждать въ пріемной президента въ Бѣломъ Домѣ, пока, наконецъ, не раскрылись двери кабинета и оттуда, въ сопровожденіи самого Хувера, появились маленькіе мальчикъ и дѣвочка.

Этотъ визитъ былъ результатомъ записки, которую 11-ти лѣтняя Гертруда Виндзоръ отправила президенту отъ себя и своего восьмилѣтняго брата. Дѣти пріѣхали изъ Техаса прямо въ Вашингтонъ, чтобы пожать руку президенту. Въ Бѣломъ Домѣ дѣтямъ сказали, что для этой церемоніи ихъ долженъ представить президенту какой нибудь знакомый сенаторъ. Гертруду не смутило это препятствіе. Она сѣла и написала президенту такое письмо:

«Дорогой Президентъ. Билли и я пріѣхали изъ Техаса, чтобы познакомиться съ вами, а теперь намъ говорятъ, что нужно еще вести съ собою сенатора. У насъ тутъ никакихъ знакомыхъ нѣтъ сенаторовъ. Я не думаю, что вы не хотите пожать руку двумъ американскимъ гражданамъ, не представленнымъ вамъ, и обойдете это препятствіе. Намъ бы такъ хотѣлось увидѣться и поговорить съ вами до нашего отъѣзда. Любящая васъ Гертруда Виндзоръ».

Хуверъ сейчасъ же пригласилъ дѣтей въ Бѣлый Домъ, угостилъ конфектами маленькихъ гражданъ и долго говорилъ съ ними.

— Кандидатомъ Америки въ международномъ трибуналѣ является бывшій государственный секретарь Келлогъ.



Туркменскія женщины съ о. Челекена, на Каспійскомъ морѣ, у входа въ Красноводскій заливъ. Онѣ ткутъ въ своихъ юртахъ прекрасные ковры.

Аббатъ Бетлеемъ борется за нравственность

Объ аббатѣ Бетлеемѣ, грозѣ газетныхъ кіосковъ, долгое время ничего не было слышно. Владѣльцы кіосковъ успокоились и перестали прятать нескромные иллюстрированные журналы при видѣ черной сутаны аббата вдалекѣ. Но вчера аббатъ, борющійся съ безнравственностью, опять не выдержалъ. Проходя по улицѣ Вожираръ, онъ остановился передъ афишей кинематографа, рекламировавшаго чешскій фильмъ «Эротиконъ». На афишѣ изображена цѣлующаяся парочка — главная героиня фильма, Ита Рина, и ея партнеръ, Олафъ Фьордъ.

Разъяренный аббатъ сорвалъ со стѣны афишу и изодралъ ее въ мелкіе куски. Затѣмъ аббатъ покорно послѣдовалъ за полицейскимъ въ комиссаріатъ Нотръ-Дамъ-де Шанъ, гдѣ былъ составленъ протоколъ.

Рубенсъ въ ломбардѣ

Берлинъ, 23 августа.

Въ судѣ шеффеновъ началось дѣло противъ графа Шахъ-Виттенау по обвиненію въ растратѣ ввѣреннаго ему имущества.

Дѣло вызываетъ большой интересъ въ мірѣ антикваровъ и знатоковъ искусства.

Въ берлинскомъ городскомъ ломбардѣ неожиданно — среди заложенныхъ картинъ — была открыта большая картина Рубенса «Апостолъ Павелъ съ мечомъ». Полотно испытало цѣлую Одиссею, пока попало въ ломбардъ.

Купилъ его во время концертнаго турнэ въ Амстердамѣ музыкантъ Лозе за баснословно дешевую цѣну — 2.500 марокъ. Продавецъ считалъ, что эта картина — произведеніе одного изъ учениковъ Рубенса. При реставраціи полотна въ Берлинѣ возникло, однако, предположеніе, что авторомъ его является самъ Рубенсъ. Извѣстный знатокъ искусства, проф. Боде, произвелъ экспертизу и призналъ, что картина подлинна и относится къ раннему періоду творчества Рубенса.

Тогда Лозе, — черезъ посредство комиссіонеровъ, Розенталя и Майковскаго, — пытался продать картину за 20.000 марокъ. У комиссіонеровъ ее купилъ графъ Шахъ-Виттенау за 40.000 марокъ, но заплатилъ не деньгами, а четырьмя векселями по 10.000 марокъ, надѣясь до истеченія срока векселей перепродать картину еще за большую сумму. Наступилъ срокъ и векселя были опротестованы.

Тѣмъ временемъ графъ Шахъ-Виттенау передалъ картину нѣкоему Кондору, у котораго якобы былъ покупатель. Кондоръ заложилъ ее въ ломбардѣ за 1500 марокъ.

Лозе обратился въ судъ, обвиняя графа Шаха-Виттенау въ растратѣ ввѣреннаго имъ имущества. Подсудимый винитъ во всемъ Кондора, заявляя, что Кондоръ его обманулъ. Судъ постановилъ дѣло отложить и допросить новыхъ свидѣтелей.

ГИБЕЛЬ ЯХТЫ «АЙЛАНДЕРЪ»

Лондонъ, 23 августа.

Море выбросило трупы двухъ погибшихъ на яхтѣ «Айландеръ» — самого владѣльца яхты, депутата Кинга и другого пассажира, личность котораго еще не установлена.

революцій, сколько жило, славилось и умерло великихъ людей! А онъ даже малѣйшаго понятія не имѣлъ никогда обо всемъ этомъ. Цѣлыхъ сто лѣтъ видѣлъ онъ только вотъ эти коноплянники да думалъ о кормѣ для скотины! И сидитъ онъ такъ смиренно, такъ неподвижно. Опустилъ плечи, сложилъ на худыхъ колѣняхъ черныя, спеченныя столѣтіемъ руки, перекрестилъ искривленные работой и простудой пальцы, а мухи ползаютъ по нимъ, сучатъ ножками. Бѣлый мотылекъ спокойно, какъ на деревѣ, замеръ на его дѣтски-худой и черной шеѣ, окаймленной воротомъ сѣрой рубахи. Шапка надвинута глубоко: изъ подъ шапки видны концы рѣдкихъ, длинныхъ, зеленовато-бѣлыхъ бровей, устало приподнятыхъ. Нижнее вѣко лѣваго глаза немного разорвано и оттянуто книзу: этотъ глазъ, полный слезою, совсѣмъ безжизненъ. Въ правомъ — слабая мысль, слабая жизнь, чуждая всему нашему міру. Онъ, этотъ столѣтній человѣкъ, еще слышитъ, видитъ, разумно толкуетъ съ внуками о хозяйствѣ, помнитъ все, что нужно нынче или завтра сдѣлать по дому, знаетъ, гдѣ что лежитъ, что требуетъ поправки, присмотра... И все же, весь онъ въ забытьѣ, въ мірѣ своихъ далекихъ воспоминаній. Что же это за воспоминанія? Часто охватываетъ страхъ и боль, что вотъ-вотъ разобьетъ смерть этотъ драгоцѣнный сосудъ огромнаго прошлаго. Охватываетъ жажда поглубже заглянуть въ этотъ сосудъ, узнать всѣ его тайны, сокровища. Но онъ пустъ, пустъ! Мысли, воспоминанія Таганка такъ поразительно просты, такъ несложны, что порою теряешься: человѣкъ ли передъ тобою? Онъ разумный, милый, добрый. Слѣдовало бы съ благодарностью поцѣловать его руку за то, что явилъ онъ намъ, воплотивъ въ себѣ рѣдкое благословеніе неба. Но — человѣкъ ли онъ?

Говоритъ Таганокъ очень медленно, но не путаясь: выражаетъ мысли съ трудомъ, но точно. Онъ знаетъ, что, волею судьбы, возложена на него обязанность толковать съ гостями прежде всего о старинѣ. И самъ спѣшитъ дать поводъ къ разспросамъ.

— Тепло, — говоритъ онъ, поводя плечомъ, что пригрѣто опускающимся солнцемъ. — Кровь то моя уже холодѣетъ... Студился, бывало, часто... А все отчего? Въ старину вѣдь въ извозы ходили...

Учитель начинаетъ разспрашивать его. И опять, опять слышитъ, только давнымъ-давно знакомое! Былъ дѣдъ два раза у хохловъ, за Воронежемъ: былъ два раза въ Москвѣ, разъ пять въ Калугѣ; и много, много разъ въ Бѣлевѣ...

— Что же? — спрашиваетъ учитель, добиваясь обобщеній. — Нравились тебѣ хохлы?

— Хохлы то? — отвѣчаетъ Таганокъ. — Ничего...

И, уже покончивъ съ общимъ, переходитъ къ частному:

— Мы туда подъ Срѣтенье поѣхали... У меня тогда четыре лошади было... Прокорми-ка ихъ! Ну, поѣхали туда порожнякомъ... Оттуда пшеницу наклали... Доправили все честь честью, стали барыши считать... Анъ, только самихъ себя да лошадей оправдали...

— А француза помнишь? — спрашиваетъ учитель.

Таганокъ думаетъ:

— Француза то? — говоритъ онъ. — Это какой въ Москву приходилъ? Нѣтъ, не помню... Такъ только, находитъ иной разъ какъ звукъ какой...

— А Москва при тебѣ велика, хороша была?

— Большая... Пріѣдемъ, бывало, въ все... Поставятъ насъ на Болотѣ въ рядъ... Мы и стоимъ... Какъ хлагъ спустятъ, можетъ, значитъ, купецъ, какой купилъ что, подойтить, взять свой товаръ... Ну, подойдетъ, глянетъ и отправитъ его: либо на Воробьиныя горы, либо еще куда...

Учитель нервно куритъ, хмурится: нѣтъ, ничего путнаго не выходитъ изъ его разспросовъ! Онъ щиплетъ кончы усовъ, собирается съ мыслями, стараясь представить себѣ невозможное, — картину одной изъ самыхъ долгихъ человѣческихъ жизней, картину цѣлаго столѣтія; онъ силится войти въ душу и тѣло этого необыкновеннаго человѣка — и никакъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что говоритъ необыкновенный человѣкъ очень обыкновенно, даже чересчуръ обыкновенно, разсказываетъ же только пустяки. «Систематически надо, систематически, — думаетъ учитель, — съ самаго начала надо начать»... Но краткіе, трогательные и пустяковые отвѣты Таганка сбиваютъ съ толку, вызываютъ безпокойство, лишаютъ охоты разспрашивать. — «Рано ты началъ помнить себя?» — «А Богъ его знаетъ, не знаю... Вѣдь мы, — слабо улыбается дѣдъ, — народъ темный, въ лѣсу живемъ, пнямъ молимся... Допрежь тутъ вездѣ лѣса были»... — «Какіе лѣса?» — «А всякіе. Дубъ напримѣръ, сосна... Разбойники водились»... — «Разбойники? Ты исторію какую нибудь о нихъ помнишь»? — «Нѣтъ, исторія, слава Богу, никакой не было»... — «Ну, а село какое было? Меньше теперѣшняго»? — Все такое же... Церковь только на старомъ кладбищѣ стояла, а не возлѣ училища... Я четырехъ поповъ пережилъ»... Но каковы были эти попы, похожи ли на теперешнихъ, — этого Таганокъ не умѣетъ разсказать. Но, можетъ быть, онъ хорошо помнитъ господъ, князей Козельскихъ, и о нихъ разскажетъ что нибудь путное? Помнить то помнитъ. Но удается учитель только то, что было три генерала: Семенъ Милычъ, Милъ Семенычъ и Григорій Милычъ; что господа они были хорошіе, что особенно «лихимъ» нравомъ отличался Милъ Семенычъ...

— Тебя пороли? — спрашиваетъ учитель.

— Нѣтъ, Богъ не привелъ, — отвѣчаетъ Таганокъ. — Однова только. Да еще разъ въ шею далъ мнѣ Милъ Семенычъ... На постройкѣ... Я бревно не тое ухватилъ... Вотъ продавать-продавали... Возили... Осерчалъ баринъ на насъ, на ребятъ... Ну, и отправилъ одиннадцать головъ.... Въ энтотъ, въ Бѣлевъ то.... Ну, и привезли насъ на базаръ, поставили другъ съ дружкой... Подошелъ торговать бурмистръ чей то чужой... Мы было дюже оробѣли, да не сошлось что-й то дѣло... А за меня хорошо — полтораста нить давали...

Солнце уже скрылось за далекимъ полемъ; гуще и свѣжѣе пахнутъ коноплянники въ вечерней тѣни; роса пала на огороды. Почти черное, гробовое лицо Таганка стало еще безжизненнѣе, глаза совсѣмъ остекляни. Ему холодно, онъ кутается въ полушубокъ, оправляетъ полы, глубже надвигаетъ шапку и засовываетъ руки въ рукава. Какъ отдаленный звукъ, медленно находятъ на него воспоминанія.

— Покойникъ Семенъ Милычъ былъ крутъ... А померъ онъ, заступилъ его мѣсто Милъ Семенычъ, — стало и совсѣмъ никуда... Что жъ, мы вѣдь ровно какъ конопля: посади ее въ мѣшокъ, завяжи и дѣлай, что хочешь, и она никому зла не можетъ исдѣлать, такъ и мы... Ну, молили раньше мужики, чтобъ барину Богъ смерти далъ... А я, бывало, скажу: «Напрасно вы его убиваете. Не сбывайте, — хуже будетъ...» Такъ оно и вышло... Да...

Таганокъ отдыхаетъ; потомъ опять заводитъ медленную рѣчь:

— Да... А какъ померъ Милъ Семенычъ, привезли гробъ въ засмоленномъ сундукѣ... Скрозь рундукъ дрянь, кровь пролила... Нехорошо померъ, безъ болѣзни, тѣло не выболѣло... Какъ, значитъ, кому назначено....

Учитель съ трудомъ дослушиваетъ этотъ тяжкій разсказъ и наконецъ, подымается.

— Ну, прощай, до свиданія, дѣдъ, — говоритъ онъ. — Дай Богъ тебѣ еще пожить.

Таганокъ застѣнчиво подымаетъ брови.

— Пожить? — отвѣчаетъ онъ. — Да вѣдь и такъ ужъ сто съ восьмеркой...

— Но вѣдь хочется, небось?

— А Богъ ее знаетъ...

— Но позволь, ты-то самъ какъ чувствуешь?

Таганокъ думаетъ.

— Да что жъ тутъ чувствовать? — говоритъ онъ. — Тутъ чувствовать нечего... Чувствуй, не чувствуй...

— Позволь: ну, а если бы тебѣ, напримѣръ, предложили пять лѣтъ прожить или годъ, — что бы ты выбралъ?

Таганокъ опускаетъ голову:

— А Господь ее знаетъ...

Учитель тупо, долго глядитъ на него. Потомъ рѣшительно пожимаетъ его твердую длинную руку и уходитъ.

Онъ уходитъ за деревню, въ поле, и долго шагаетъ по проселочной дорогѣ. «Да, да, — думаетъ онъ, — дѣло тутъ не въ экономикѣ... не въ условіяхъ быта... Дѣло въ чемъ-то иномъ... Но въ чемъ именно?»

Возвращается онъ уже въ сумерки. Не спѣша идетъ по улицѣ. Огней нѣтъ, избы темны и тихи. Пахнетъ жильемъ — какъ-то особенно, тепло, по ночному. Сухо трюкаютъ [illegible] сверчки. Вотъ и изба Глѣба. Она вымазана известкой, слабо бѣлѣетъ. Стекла ея сини отъ вечера, въ нихъ еще слабо отражается небо. Внизу, по земли, рѣетъ какой то еле замѣтный отсвѣтъ, отчего изба и полушубокъ кого-то, сидящаго на завалинкѣ возлѣ нея, странно выдѣляются. Кто это? Неужели Таганокъ?

— Дѣдушка, еще здравствуй, — негромко говоритъ учитель, очень тронутый видомъ этого одинокаго, чужого всему міру человѣка, пережившаго и всѣхъ сверстниковъ своихъ и всѣхъ дѣтей ихъ.

— Кто это? — тихо откликается Таганокъ.

— Да я, учитель... Что же ты не спишь?

Таганокъ думаетъ. Отвѣчаетъ онъ теперь еще медленнѣе:

— Да какой нашъ сонъ... Древенъ я... А ночь эта — какъ метель идетъ она на меня...

«Это не ночь, а смерть», — думаетъ учитель; и, помолчавъ, спрашиваетъ:

— Ну, а какъ же? И жилъ бы еще?

Тихо. Трюкаютъ сверчки. На порогъ избы вышла дымчатая кошка, сбѣжала на землю — и стала невидима. Слабо бѣлѣетъ борода Таганка. Темнаго, гробового лица его не видно. Живъ ли онъ?

Живъ. Долго спустя онъ отзывается:

— Пожилъ бы... И пять годовъ одолѣлъ бы еще... Да черезъ пять-то годовъ...?

Онъ, видно, вспоминаетъ эпоху, свой шалашъ, свою безпризорность, безпомощность.

И легонько вздыхаетъ:

— Черезъ пять-то годовъ совсѣмъ захирѣешь, вошь съѣстъ. А то пожилъ бы...

Ив. Бунинъ.

1911 — 1930.